

УДК 811.161.1'37:811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.
ББК Ш141.12-420+Ш141.12-36.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Д. Н. УШАКОВА

Шулежкова С. Г.

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

SPIN-код: 1190-5812

А н н о т а ц и я . В статье анализируется вклад Д. Н. Ушакова в становление отечественной фразеографии. *Предмет* исследования – принципы отбора и представления сверхсловных единиц в «Толковом словаре русского языка»; *цель* – установить истоки и сущность фразеографической концепции Ушакова, оказавшей влияние на развитие отечественной фразеографии. При сопоставлении четырёхтомника Д. Н. Ушакова с толковыми словарями предшественников и фразеологическими словарями второй половины XX – начала XXI века использовались описательный, сравнительно-исторический методы, приёмы компонентного анализа и статистические подсчёты. Концепция лингвистической характеристики фразеологизмов создавалась Ушаковым с учётом опыта описания сверхсловных единиц в академических словарях XVIII–XIX столетий и в сборнике М. И. Михельсона. Сущность её составляют пять положений: 1) фразеологический корпус неразрывно связан с лексическим составом языка; 2) объективное представление о состоянии фразеологической системы можно получить, придерживаясь широкого взгляда на объект фразеологии; 3) сверхсловные единицы любой семантики, обладающие воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава, грамматической структуры и постоянством значения, являются элементами языковой системы; 4) при отборе единиц для толковых словарей необходимо учитывать все активные пласты национального языка; 5) доступность толкований, нормативность, научная достоверность, лингвистические пометы, историко-этимологические справки, чёткое структурирование словарных статей обеспечивают словарю достойное место в национальной культуре. Данные принципы были унаследованы авторами словарей, аналогичных Ушаковскому, и фразеографами. Развитие фразеографии связано не только с описанием сверхсловных единиц лексикографами, но и с развитием фразеологии как лингвистической дисциплины. Первыми «ласточками», собственно фразеографического направления стали фразеологический словарь А. И. Молоткова и словарь пословиц и поговорок В. П. Жукова, в 1967 году положившие начало фразеографическому буму второй половины XX – начала XXI столетия, когда концепция Д. Н. Ушакова реализовалась не только в общefразеологических словарях, но и в словарях, специализирующихся на описании сверхсловных единиц определённого типа.

Ключевые слова: толковый словарь; фразеология; фразеография; сверхсловная единица; нормативность; системность; лингвистические пометы

Для цитирования: Шулежкова, С. Г. Фразеографическая концепция Д. Н. Ушакова / С. Г. Шулежкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 130–142. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.

PHRASEOGRAPHIC CONCEPTION OF D. N. USHAKOV

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Summary. The article analyzes the contribution of D. N. Ushakov to the formation and development of Russian phraseography. The object of the study covers the principles of choosing and presentation of super-word (phraseological) units in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language”. The research aim is to establish the origins and the essence of Ushakov’s phraseographic conception that influenced the development of Russian phraseography. While comparing Ushakov’s dictionary with the explanatory dictionaries published before and the phraseological dictionaries of the second half of the 20th – early 21st centuries, the author employs the descriptive and comparative-historical methods and the methods of component analysis and statistical calcula-

tions. The conception of linguistic characterization of phraseologisms was created by Ushakov taking into account the experience of description of phraseological units in academic dictionaries of the 18th–19th centuries and the phraseological dictionary by M. I. Mikhelson. The main principles of Ushakov's conception are the following: 1) the phraseological corpus is inextricably linked with the vocabulary; 2) proper understanding of the phraseological system can be obtained by adhering to a broad view of the object of phraseology; 3) super-word (phraseological) units of any semantics characterized by reproducibility, stability of component composition, grammatical structure and stability of meaning are elements of the language system; 4) while selecting units for explanatory dictionaries, it is necessary to take into account all active layers of the national language; 5) clear definitions, normativity, scientific reliability, linguistic notes, historico-etymological references, and salient structuring of dictionary entries grant the dictionary a worthy place in the national culture. These principles have been inherited by the modern authors of explanatory dictionaries similar to Ushakov's masterpiece and by phraseographers. The development of phraseography is associated not only with the description of super-word (phraseological) units by lexicographers, but also with the development of phraseology as a linguistic discipline. The phraseological dictionary by A. I. Molotkov and the dictionary of proverbs and sayings by V. P. Zhukov became the forerunners of the new phraseographic approach proper. In 1967 they laid the foundation for the phraseographic boom of the second half of the 20th – early 21st centuries when Ushakov's conception was realized not only in general phraseological dictionaries, but also in dictionaries specializing in the description of super-word (phraseological) units of a certain type.

Key words: explanatory dictionary; phraseology; phraseography; super-word (phraseological) unit; normativity; systemity; linguistic notes

For citation: Shulezhkova, S. G. (2023). Phraseographic Conception of D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.

Введение

150 лет со дня рождения выдающегося русского учёного Дмитрия Николаевича Ушакова – повод, позволяющий поновому взглянуть на его творчество и оценить влияние, которое он оказал на развитие науки, нацеленной не только на исследование русского языка во всех его проявлениях и описание его богатств, но и на нормализацию и сохранение русского языка как важнейшей ценности национальной культуры. Жемчужиной наследия Ушакова, несомненно, является четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940), одним из основных авторов и редактором которого он был. О значимости этого уникального труда для отечественной лексикографии и народного просвещения написано немало. В небольшой статье невозможно упомянуть каждого из учёных, общественных деятелей, писателей, журналистов, кто по достоинству оценил Словарь Ушакова. Потому упомянем лишь некоторые работы, с разных позиций отмечающие значимость этого Словаря для русской национальной культуры.

Известный отечественный филолог М. В. Панов в очерке, посвящённом жизни и деятельности Д. Н. Ушакова, перечислив и высоко оценив «величавую чреду» словарей русского языка, созданных в XVIII и

XIX вв., – «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794), «Словарь церковнославянского и русского языка» 1848 г. под редакцией А. Х. Востокова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866) и незаконченный словарь русского языка А. А. Шахматова [Панов 1995: 33], – заключает: «А далее во флотилии словарей проплывает этот красавец – «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова <...> Создание его было особенно ответственным делом: требовалось и сохранить традиции русского языка – поддержать их именно этим словарём, и отобрать из новшеств языка советской эпохи то, что имело право на долготное существование в нём» [Там же: 34]. М. В. Панов указывает на то, что нормативность Словаря проявляется в отборе слов и их значений, в указании их правильного произношения, ударения, правописания, уместного употребления. «Впервые в отечественной лексикографии разработана и применена сложная и многоаспектная система стилистических помет», разработана и реализована «сеть противопоставлений и сопоставлений» [Там же: 34].

Советский лингвист А. А. Реформатский среди прочих достоинств редактора «Толкового словаря русского языка» особенно высоко оценил «точность и лако-

низм» Д. Н. Ушакова [Реформатский 1998: 59], его стремление в исторических процессах видеть «становление нормы» [Там же: 36], а также то, что «К тем или иным убеждениям Дмитрий Николаевич приходил, не столько исходя из дискурсивных рассуждений, сколько чутьём своего безошибочного вкуса. А в подборе примеров, в систематике, в классификации он умел достигнуть воистину ювелирной отделки, ювелирного мастерства» [Там же: 35].

Автор современных фундаментальных словарей, Л. П. Крысин, считает важнейшими достоинствами «Толкового словаря русского языка» всеобъемлющую «нормативность» и «образцовость» [Крысин 2000: 224]. Ученик Д. Н. Ушакова и его соратник, Г. О. Винокур, подчёркивал практическую значимость первого нормативного толкового словаря советской эпохи: «Этот справочник толкует слова и сообщает правильное ударение, произношение, очерчивает с помощью системы помет круг и время их применения, даёт краткую этимологическую справку заимствованным словам» [Винокур 2002: 58].

Нетрудно заметить, что авторы процитированных работ делают акцент прежде всего на мастерстве Ушакова и его коллег, проявленном при описании слов, не затрагивая проблемы, связанной с принципами представления в «Толковом словаре русского языка» сверхсловных единиц.

«Толковый словарь русского языка» создавался в 1930-е годы, которые «в истории советского языкознания», по словам О. В. Никитина, «стали бременем испытания во всех областях науки, истерзанной жёстко внедряющейся идеологией “коммунистического строительства”». На развалинах старой академической традиции, практически уничтоженной за 10–15 лет, пытались создать новое направление в развитии гуманитарной сферы со своим “регламентом” и иными, отличными от подлинных научных и духовных ценностей ориентирами» [Никитин 2016б: 27]. Цикл статей О. В. Никитина, написанных с привлечением подлинных документов, отражает драматическую историю отечественной лексикографии 1920-х – начала 1940-х годов в целом и самоотверженную работу над первым советским нормативным тол-

ковым словарём. Они дают современному читателю возможность узнать правду «о героях тех лет, которые во многом стояли у истоков современной научной теории и практики лексикографирования и формировали <...> филологическое лицо нашей эпохи» [Никитин 2016а: 13]. Письма и протоколы многочисленных заседаний, увидевшие свет благодаря О. В. Никитину (см., напр. [Никитин 2006, 2017] и пр.), показывают, как мужественно отстаивал коллектив авторов Словаря во главе с Ушаковым интересы «подлинной науки, её исконных корней» и боролся «с демагогами всех мастей». Их не пугало даже опасное причисление к «адептам “буржуазных теорий” и “неисправимой индоевропеистики”» [Никитин 2018: 89].

В многочисленных публикациях и прошлом, и нынешнего века о «Толковом словаре русского языка», основном детище нашего юбиляра, написано немало. Оценены его научная основательность и своевременность, его влияние на судьбы русского национального языка и на развитие русской лексикографии. Но никто всерьёз не ставил перед собой задачи исследовать истоки новаторской концепции Д. Н. Ушакова, ориентированной на описание в толковом словаре сверхсловных языковых единиц, и влияние этой концепции на становление отечественной фразеологии. Между тем именно научная позиция Д. Н. Ушакова и его коллег, опиравшихся на опыт российской лексикографии XVIII–XIX веков, помогла им совершить качественный прорыв в словарном деле и облегчить путь к созданию собственно фразеологических словарей.

Основная часть

1. Предыстория

К началу работы над «Толковым словарём русского языка» (1928) руководимый Д. Н. Ушаковым научный коллектив был хорошо подготовлен к описанию в будущем словаре сверхсловных языковых единиц наряду с однословными, хотя до возникновения фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины оставалось ещё два десятилетия.

Проблема лингвистической квалификации и словарного описания сверхсловных единиц издавна волновала лексико-

графов. В 70-е годы XVIII века её вынужден был решать П. А. Алексеев, протоиерей Архангельского собора, совмещавший обязанности священнослужителя с преподаванием Закона Божьего и катехизиса в Императорском Московском университете, когда работал над словарём церковного языка для студентов и учащихся духовных семинарий. Словарь Алексеева был опубликован в четырёх частях в 1773–1779 гг. Он пользовался большой популярностью в самых широких общественных кругах и несколько раз переиздавался. Для нас чрезвычайно важно то, что впервые в российской лексикографии автор в толковом словаре характеризовал сверхсловные единицы (*речения*) в особых словарных статьях. В «Предувѣдомленіи» к 4-му изданию *речени* названы как равноправные со *словами* языковые единицы: «Должно отдать справедливость сочинителю Словаря сего, который принял на себя похвальный трудъ составить его и приложить содержащимся въ немъ *словамъ* и *реченіямъ* нужныя объясненія и истолкованія...» [Алексѣевъ, 1817, ч. 1: I]. Спустя почти 100 лет материалы «Церковного словаря» Алексеева были активно использованы составителями «Словаря Академии Российской 1789–1794», но в жанровом отношении и в структурировании словарных статей авторы этого масштабного труда пошли иным путём. По мнению вдохновительницы данного проекта княгини Е. Р. Дашковой и большинства будущих составителей Словарь должен был стать «гнездовым по расположению слов, а не алфавитным», ибо «Считалось, что объединение в одной словарной статье слов одного корня уже само по себе объяснит их значение» [Богатова 2001: 16]. Но в ходе работы над Словарём выяснилось, что однокоренных *слов* недостаточно для передачи «силы и красоты языка». И словарные статьи, созданные по гнездовому принципу, были дополнены «реченіями» «изъ всѣхъ извѣстныхъ книгъ церковныхъ и лучшихъ свѣтскихъ сочиненій, лѣтописей, разныхъ законодательствъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, записокъ путешественниковъ, реченіями, въ наукахъ, Художествахъ, ремеслахъ и прочихъ употребительными» [Предисловіе 2001: VIII–IX]. И в Словарь, вклю-

чающий свыше 43 тысяч *слов*, попало множество самых разнообразных *речений*. К примеру, в словарной статье «АНГЕЛЬ» помещены выражения «*День моего Ангела, Праздник моего Ангела*. 'Въ простор. именуется тотъ Святой, котораго кто носить на себѣ имя'; *Ангель въ плоти* 'Человѣкъ святаго и отмѣннаго житія'» [САР, 2001, т. 1: 33]. А словарная статья «БИЮ», занимающая 40 столбцов(!), содержит массу сверхсловных единиц-названий самых разнообразных действий, явлений, признаков, а также пословицы и поговорки: «*Бью въ набатъ; Бью въ ладоши* (Рукоплещу, плесканіемъ рукъ изъясляю кому похвалу и свое удовольствіе); *Бью перси* (Изъясляю наружными знаками или біеніемъ въ грудь душевную скорбь); *Битье обѣ закладъ* (споръ, до рѣшенія коего полагается условіе заплатить что-нибудь тому, чьи слова збудутся, или найдутся справедливы); *Бой кулачный* (Родъ сраженія на кулакахъ, производимаго между людьми низкаго сословія); *Мамаево побоище; Бьюся какъ рыба обѣ ледъ* (Поговорка); *За битаго двухъ небитыхъ даютъ* (Присловица простонародн.)» [Там же: 172–212].

Как пишет М. В. Панов, «Словарь Академии Российской» отразил состояние русского языка, учитывая изменения и развитие его в XVIII веке. «Он по-ломоносовски трёхпалубный: три стили, восходящие к церковнославянскому и русскому бытовому языкам, образуют ярусное единство; он многолюден: простая обиходная речь занимает в нём большое место. Отсюда впечатление от этого словаря жизненности и безыскусной полноты» [Панов 1995: 33]. Авторы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова учли опыт составителей «Словаря Академии Российской». Это отразилось и в масштабном охвате языкового материала, обновлённого в кардинально изменившихся социальных, политических и экономических условиях страны, и в определении места сверхсловных единиц в словарной статье, и в семантической характеристике сверхсловных единиц, и в разработке ряда лингвистических помет (стилистических, социальных, профессиональных, хронологических).

Справедливости ради следует сказать, что в XIX веке сложилась определённая система включения сверхсловных единиц в

толковые словари. Как правило, сверхсловные единицы не возглавляли словарных статей, однако обойтись без них было невозможно, и лексикографы обычно отводили сверхсловным единицам (называя их по-разному, но чаще всего *речениями*) место в заключительной части (нередко очень пространной) статьи, посвящённой одной из лексем, входящих в состав сверхсловной единицы в качестве компонента. Эта структура закрепились в российской лексикографии, что можно наблюдать в четырехтомном «Словаре церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» (1847). Так, например, в словарной статье «ГОЛОВА» этого издания после характеристики заголовочной лексемы приводится около трёх десятков сверхсловных единиц с компонентом *голова*: *голова въ домъ, голова стрѣлецкій, голова письменный, голова пушкарскій, голова сотенный, голова соляной, голова кабацкій, голова градской, голова ремесленный, голова волостной, пустая голова, буйная голова, жить одной головою, очертя голову (жить, дѣлать), ломать голову, бѣжать сломя голову, выдать головою, голова трецить* и пр. [СЦиРЯ, 2001, т. 1: 272–273]. А в словарной статье «НОГА», кроме указания на три значения заголовочного слова, толкуется целый блок образных сверхсловных единиц, связанных с этими значениями: «*Нога за ногу*. въ ходьбѣ, зн. весьма тихо. *Идетъ нога за ногу*. – *Нога за ногу*, зн. ровным шагомъ. – *Легокъ на ногу*, зн. проворенъ. – *Ни по ногу*. *Ноги своей не клади*. *Ноги своей не заноси*. *Ни ногою*, зн. совсѣмъ не ходи куда-нибудь. – *На ногахъ*, зн. стоять или ходить. *Чѣмъ свѣтъ уже на ногахъ*. Грибоѣд. – *Поставить на ноги*, зн. поправить чье-либо состояніе или открыть выгодную въ жизни дорогу. – *Со встьхъ ногъ*, зн. опростеть, весьма скоро <...> *Сбить съ ногъ*, зн. замучить многими посылками. *Встьхъ служъ съ ногъ сбиль*. – *Сръзять съ ногъ*, зн. остыдить, осрамить кого-либо. – *Жить на большой ногъ*, зн. жить по-барски» [Там же: 404].

У предшественников Д. Н. Ушакова, помимо указанных выше «наработок» в описании сверхсловных единиц, следует отметить ещё одно достижение. В «толковательных» частях словарных статей лек-

сикографы XVIII–XIX вв. нередко сочетали семантическую характеристику заголовочного слова со сведениями о нем историко-этимологического плана. Так, в «Церковном словаре» П. Алексева на 200 страницах, посвящённых *словам* и *речениям*, начинающимся на буквы «А», «Б», «В», помещено 160 сверхсловных единиц, каждая из которых сопровождается толкованием и справкой об источнике. Например, «**АБРАМОВО НѢДРО**, значить въ св. писани: рай, блаженство вѣчное, куда пресѣляются чистыя и свѣтыя души, разлучающіяся отъ тѣла. Въ такой же силѣ берется Лоно Авраамле, *Соборн: 27 на обор.*»; «**АНГЕЛЬСКОЕ ЖИТІЕ**, или **АНГЕЛЬСКІЙ ОБРАЗЪ**, называется такъ третія степень монашества совершеннаго по Богомыслию, чистотѣ, нестяженію и послушанію, съ Греч.: Схима, *Требн.: и другія церк. книги*»; «**ВѢТХІЙ ЧЕЛОВѢКЪ**, *Ефес: 4, 22. Колос: 3-9*. Человѣкъ праотеческимъ грѣхомъ и собственными беззаконіями обветшавшій, въ страстяхъ плотскихъ застарѣвшійся, и не могущій природными силами, кромѣ благодати Божіей, ничего добраго не только сотворить, но ни помыслить» [Алексѣевъ 1817, ч. 4: 22, 129].

Сочетание синхронического подхода с историко-этимологическим комментарием использовалось лексикографами XVIII–XIX столетий не только по отношению к заимствованиям из европейских языков (латинского, греческого, голландского, немецкого, французского) и восточных (персидского, арабского, татарского и др.). Часто этот приём применялся и при описании славянских языковых единиц. В «Церковном словаре» Алексева он реализуется равно как по отношению к *слову*, так и по отношению к *речению*, но в «Словаре Академии Российской» помета о языке-источнике помещается лишь при заголовочном слове. Если заголовочная лексема является полисемантом, то включающие её сверхсловные единицы распределяются в словарной статье в соответствии с теми значениями, которые лексема реализует в составе оборота. «Подступом» к представлению сверхсловной единицы становится, таким образом, фрагмент описания в словарной статье актуального для данной единицы значения заголовочного

слова. Например, словарная статья «**АРКАНЬ**» начинается с указания на происхождение слова: «Отъ Персидскаго слова *органъ*, ужище, веревка». Затем характеризуются 3 его значения: «Означается 1) симъ словомъ приколь, привязь, т. е. веревка, на которой привязывается лошадь, чтобъ удобнѣе и скорѣе ее поймать было можно. 2) Въ военномъ употребленіи у казаковъ означаетъ длинную веревку съ петлею на концѣ для скорога увлеченія схватаннаго из неприятельскаго стана. 3) Означаетъ всякую веревку, которою конные объездные вяжутъ приводимыхъ подь стражу». Сверхсловные же единицы распределены в словарной статье в зависимости от того, какая сема компонентом *аркань* реализуется в их общем значении: к 1-му значению лексемы *аркань* присоединяется сверхсловная единица *держатъ на аркань*, ко 2-му – *притащить, подцѣпить на аркань*, к 3-му – *привести на аркань* [САР, 2001, т. 1: 46]. Сведения же об обстоятельствах формирования семантики сверхсловной единицы присоединяются к описанию его значения. Например, «**АЛТЫНЬ** <...> Мысленный денежный щотъ, простымъ народомъ употребляемый, означающій три копейки. Слово сіе происходитъ отъ Татарскаго *алты*, значущаго шесть, какъ и въ самой вещи *алтынъ* содержалъ въ себѣ шесть *денегъ*, а копѣйки тогда еще неизвѣстны были». Далее в словарной статье приводятся однокоренные слова: *Алтынникъ, Алтынничаю, Алтынний*, каждое из которых сопровождается толкованием. У слова *Алтынникъ* отмечено два значения: «1) Преждебывшія ходячія деньги въ три копѣйки. 2. ... Означаетъ обироху, который подь разными прицѣпками малыя собираетъ взятки, или и малыхъ взятокъ не гнушается». В этом месте и появляется сверхсловная единица – *присловица*: «... и о такихъ говорится присловицею: *Онъ взросъ на алтынахъ*, т. е. привыкъ съ малолѣтства брать взятки» [Там же: 23-24]; «**Артиллерія** <...> Франц. 1) Снарядъ огнестрѣльныхъ орудій, коковы суть пушки, мортиры, гаубицы. 2) Войско, дѣйствующее огнестрѣльными орудіями. 3) Наука объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ». *Артиллерія осадная*. Ломовыя огнестрѣльныя орудія, употребляемыя при осадѣ крѣпостей, къ разбиванію стѣнъ и къ

метанію бомбъ въ городъ. р. Снарядъ стѣнобитный. *Артиллерія полевая*. Такагоже рода огнестрѣльныя орудія, употребляемыя въ полѣ. *Артиллерія полковая*. Небольшія пушки, какія при всякомъ пѣхотномъ полку находятся» [Там же: 49].

Подобные приемы корректного включения сверхсловных единиц в структуру словарных статей и способы их толкования, разработанные лексикографами XVIII–XIX столетий, с одной стороны, убедительно доказывали теснейшую связь между лексической и фразеологической системами русского языка, с другой – подчёркивали языковой статус фразеологизмов. Неудивительно, что авторы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова творчески использовали эти приемы описания сверхсловных единиц.

Однако Д. Н. Ушаков понимал, что неоднословные единицы, включаемые в толковый словарь, нуждаются в терминологической квалификации. И в этом отношении роль «подсказки», на наш взгляд, сыграл опубликованный в 1902–1903 гг. двухтомный сборник образных слов и иноязычных выражений выдающегося российского лексикографа, известного общественного деятеля и педагога М. И. Михельсона. Думается, не в последнюю очередь благодаря ему термин *фразеология* был введен в русский лингвистический лексикон. В предисловии к сборнику, названному «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии», автор замечает: «Настоящій труд мой, являясь выполнениемъ ранѣе намѣченной мною программы, имѣетъ, слѣдовательно, своею цѣлью – основательнѣе познакомить читателей съ *русской фразеологіей*» [Михельсон, 1994, т. 1: V]. У термина *фразеология* М. И. Михельсон выделяет три значения. Он писал: «*Фразеологіей*, вообще, – называется наука, или научная дисциплина, изучающая рѣчь. Подъ *фразеологіей*, въ узкомъ смыслѣ слова, понимается совокупность приѣмовъ и методовъ, опредѣляющихъ физиономію рѣчи того или другого автора, рѣзкомъ очерчивающихъ индивидуальность его стиля <...> *Фразеологія*, въ широкомъ смыслѣ слова, – совокупность приѣмовъ, методовъ и законовъ, которыми пользуется и управляется рѣчь каждого отдѣльнаго народа (*латинская*,

греческая фразеология)» [Там же: V]. Объектом же описания в своём словаре М. И. Михельсон избрал *русскую фразеологию* в её третьем значении. Приведя на трех страницах своего предисловия внушительный перечень описываемых им единиц, «как отдѣльных образных словъ, такъ и цѣлыхъ изречений, употребляемыхъ въ смыслѣ – иносказательномъ» (*Аборигенъ. – Авгиевы конюшни. – Березовая каша. – Блестать своимъ отсутствіемъ. – Законъ Линча. – Блатья Аннибалова. – Зять любитьъ взятъ, а тестъ любитьъ честь. – Пасквиль. – Утка. – Щупать (пульсъ) и пр.*), М. И. Михельсон заключает: «Такие-то образные слова и пословичныя выражения, а также поговорки, пословицы и изреченія, свойственныя языку народа, съ объясненіемъ ихъ смысла и иносказательнаго примѣненія, – и составляютъ предметъ *русской фразеологии*» [Там же: VI–VIII]. Несомненные достоинства сборника М. И. Михельсона, как и некоторые его погрешности объективно охарактеризованы в статье К. П. Сидоренко, написанной к 175-летию со дня рождения М. И. Михельсона (см. [Сидоренко 2011: 69–71]). Заслуги ученого перед отечественной лексикографіей и фразеографіей в советское время замалчивались, хотя ценнейший его труд, двухтомник «Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и выражений» <...> насчитывающий более 14 тысяч словарных статей <...> получил после его публикации безоговорочное признание и был удостоен Императорской Академіей наук преміей митрополита Макарія» [Там же: 70]. До сих пор никто из фразеологов не смог превзойти М. И. Михельсона в искусстве и масштабах погружения в богатейшую русскую фразеологию во фразеологию ведущих национальных языков Европы. Применительно к теме нашей работы важно то, что опробованный М. И. Михельсоном термин *фразеология* используется и Д. Н. Ушаковым: в предисловии «Толкового словаря русского языка помещён раздел под названием «Фразеология». При этом фразеологические взгляды Д. Н. Ушакова и М. И. Михельсона вовсе не совпадают, ибо для последнего дифференциальными свойствами фразеологизма были *образность* или *иносказательность*, а потому объектами фразеологии он

признавал не только образные или иносказательные *сверхсловные языковые единицы* (в том числе *пословицы, поговорки, крылатые выражения*), но и образные и иносказательные *слова*. Тем не менее, теоретические установки фразеологической концепции позволили М. И. Михельсону повторить приём П. Алексеева: сверхсловные единицы в его сборнике помещаются в особых словарных статьях наряду с однословными. Только на буквы «А», «Б» и «В» в сборнике Михельсона помещено 850 словарных статей, озаглавленных сверхсловными единицами. В заслугу М. И. Михельсону стоит поставить и то, что именно он первым подверг словарному описанию множество русских народных пословиц и поговорок, а также крылатых выражений, принадлежащих выдающимся деятелям мировой культуры и классикам отечественной словесности.

2. Принципы описания сверхсловных единиц в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

В разделе «Как пользоваться словарём», открывающем опубликованный в 1935 г. 1-й том («А–Кюрины») «Ушаковского словаря», содержится § 2 под названием «Как построена словарная статья». В нём, в частности, говорится, что в Словаре после толкования слова и примеров «за значком ◊» следует «фразеология» [Ушаков 1935, т. 1: XX]. В § 11, названном «Фразеология», более подробно характеризуются принципы отбора, а также порядок включения и описания сверхсловных единиц в Словаре: «После толкования значений слова, в конце статьи за значком ◊ приводятся и объясняются ходячие цельные выражения, заключающие в себе это слово с таким значением, которое отличается от всех указанных выше и встречается только в этом выражении <...> Сами выражения напечатаны жирным шрифтом <...> В скобках же, но светлым шрифтом, даются такие слова, которыми в данном выражении по требованию смысла может быть заменено напечатанное слово...» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXV]. Эти установки жёстко соблюдаются составителями Словаря. Так, например, в столбцах 3–531 1-го тома Словаря можно обнаружить свыше 640 сверхсловных единиц, попавших в словарные статьи на бук-

вы «А», «Б», «В». Они очень отличаются друг от друга и по своей структуре, и по коммуникативным функциям, и по семантике, и по стилистической окраске, и по происхождению, и по сфере употребления, но принципы их описания совпадают.

В современной фразеологии существует масса терминов-обозначений для разных типов единиц, которые коллектив, руководимый Д. Н. Ушаковым, назвал *фразеологизмами*. Сегодня для представителей разных фразеологических школ термин *фразеологизм* не является однозначным, а потому, чтобы не отвлекаться от главной цели нашего исследования, мы при анализе фразеографической концепции Д. Н. Ушакова избрали нейтральный термин *сверхсловная (языковая) единица*, ибо, несмотря на существенные различия между описанными в «Толковом словаре русского языка» единицами, которые составителями названы *фразеологизмами*, их объединяют четыре дифференциальных признака: они 1) сверхсловны, 2) воспроизводимы, 3) обладают устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключаящей вариантности в определённых пределах), а также 4) постоянством значения. Некоторые из них играют роль самостоятельных предложений (ср., напр., *Ату его!, Наша взяла!, Седина в бороду, а бес в ребро, Время не ждёт!, Эка важность!, Что за вопрос!, Вот ещё!*). Другие выступают в роли главных или второстепенных членов предложения (*триумфальная арка, снежная баба, вбить в голову кому что, оказаться на высоте, отныне и навеки, вне себя, ни на волос, от мала до велика*). Третьи используются в качестве вводных конструкций (*к великому моему счастью, к сожалению, быть может*). С точки зрения семантики одни из них обладают образным значением (*альфа и омега* – ‘начало и конец’, *тесная баба* – ‘мальчишеская игра’, *точить балясы* – ‘заниматься праздной, шутливой болтовнёй’, *высосать из пальца* – ‘выдумать, сказать зря, без всяких оснований’); у других один из компонентов или даже все компоненты реализуют в составе сверхсловных единиц свои прямые значения (*безгрешные доходы* – ‘взятки’, *бить тревогу* – ‘давать сигнал об опасности’ (воен.), *бросаться в глаза* – ‘быть особенно заметным’ и пр.). Нередко

такие сверхсловные единицы играют терминологическую функцию: *английская болезнь* (мед. разг.) – ‘рахит’, *бесконечная дробь* (мат.) – ‘дробь с неограниченным числом десятичных знаков’, *параллельные брусья* (спорт.) – ‘особый гимнастический снаряд – два параллельных шеста на подставках’. Таким образом, авторы Ушаковского словаря фактически описали фразеологический корпус русского языка, исходя из широкого понимания объекта фразеологии ещё до того, как зародившаяся в середине XX века отечественная фразеология разделилась на два направления, одно из которых объединило сторонников узкого понимания, другое – сторонников широкого понимания объекта фразеологии.

Сверхсловные языковые единицы, которые в «Толковом словаре русского языка» были названы *фразеологизмами*, характеризуются авторами Словаря не так детально, как одиночные лексемы, что вполне понятно: *фразеологизмы* были призваны служить материалом, отражающим возможности «поведения» лексемы в различных ситуациях с учётом сочетаемости и сфер коммуникации. И всё же сверхсловные единицы, как и слова, возглавляющие словарные статьи, сопровождаются в Словаре Ушакова толкованиями, а при необходимости – пометами (стилистическими, профессиональными, социальными, хронологическими и пр.). Пометы указывают на ситуации и сферы употребления сверхсловных единиц, на разновидности устной или письменной речи, на «историческую перспективу» их жизни в языке; на обозначение «предметов и понятий чуждого быта». Как правило, в описаниях сверхсловных единиц «Ушаковского словаря», помимо значения, стилистических и прочих помет, содержатся историко-этимологические справки, приводятся примеры их употребления; крылатые выражения сопровождаются отсылками на авторов и на произведения, с которыми связано их появление. Приведём лишь некоторые примеры словарных статей, возглавляемых разными частями речи, из 1-го тома, где в столбцах 3–531 описано более 530 сверхсловных единиц на буквы «А», «Б», «В». В статьях, посвящённых заимствованным словам, можно наблюдать результат активного освое-

ния иноязычного слова через образование по русским синтаксическим моделям сверхсловных единиц: «**АКРОБАТ** <...> [от греч. akrobateo – хожу на цыпочках]. Искусный гимнаст <...> ◊ **Акробаты благотворительности** (книжн. публицист.) – лицемерные благотворители, наживающиеся на благотворительности [по названию повести Григоровича]. *Акробаты благотворительности... собираются* (на аристократически-буржуазных съездах) *для «борьбы с проституцией», к-рую поддерживает именно аристократия.* Л(е)н(и)н» [ТСРЯ 1935, т. 1: 22]; «**БАНК** <...> [от ит. banca] <...> 3. Род карточной азартной игры <...> ◊ **Метать банк** (карточное аргю) – сдавать карты понтерам (о банкете) [Там же: 86]. При необходимости сверхсловные единицы сопровождаются не только стилистическими, но и грамматическими пометами. Так, например, в словарной статье «**БЫТЬ**» приведено 6 сверхсловных единиц предикативного типа с соответствующими комментариями: **Так и быть** (разг.) – пожалуй, пусть будет так <...> **Должно быть**, *вводное слово* – по всей вероятности. Надо быть (простореч.) – вероятно, можно предполагать. **Была не была!** (разг.) – надо рискнуть, надо попытаться. **Будь что будет!** (разг.) – во всяком случае, что бы ни случилось <...> **Быть по сему** (офиц., дореволюц.) – формула утвердительной резолюции монарха [Там же: 214]. Словарная статья «**ВОЗДУШНЫЙ**» завершается характеристикой сверхсловных единиц: ◊ **Воздушная железная дорога** – то же, что подвесная ж. д. <...> **Воздушный шар** – воздухоплавательный аппарат, состоящий из оболочки, наполненной газом легче воздуха, к к-рой прикреплен корзинка, гондла для пассажиров; аэростат. **Воздушные замки** – несбыточные мечты, фантастические планы, замыслы. **Воздушный пирог** (кулин.) – род сладкого блюда, приготовленного из белков с сахаром и вареньем. **Воздушный поцелуй** (разг.) – знак поцелуя, выраженный движением руки от губ» [Там же: 339].

Итак, «Толковый словарь русского языка» создавался не на пустом месте. Коллектив, возглавляемый Д. Н. Ушаковым, опирался на богатый лексикографический опыт отечественных учёных XVIII–XIX столетий. Однако нет никакого сомнения в том, что

М. В. Панов абсолютно прав, когда пишет: «Говоря о Словаре Ушакова, нельзя обойтись без слов “первый”, “впервые”. Это первый советский толковый словарь, это первый советский нормативный словарь, в котором достаточно полно отражена лексика литературного языка» [Панов 1995: 34]. К этому с полным основанием следовало бы добавить: в словаре Ушакова достаточно полно отражена и русская национальная фразеология. И. Г. Добродомов в статье, посвящённой 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова, справедливо писал: «Значительные научные достоинства “Толкового словаря русского языка” определили его непреходящее влияние на развитие русской советской лексикографии: все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на Ушаковский словарь» [Добродомов 2003: 97].

Заключение

В том, что составители толковых словарей русского языка, издающихся с конца 1940-х годов до нашего времени, идут по стопам Д. Н. Ушакова в плане описания сверхсловных единиц, вряд ли кто-нибудь сомневается. Влияние фразеологической концепции Д. Н. Ушакова ощущается и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (см. [ССРЛЯ 1950–1965]), и в 4-томном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (см. [МАС 1957–1961]). Но наиболее показательной в этом плане является история однотомного «Словаря русского языка», задуманного С. И. Ожеговым в 1930-е годы и одобренного Д. Н. Ушаковым. После первой публикации [Ожегов 1949] при жизни автора он переиздавался 6 раз, в том числе под названием своего образцового предшественника – четырёхтомника. Благодаря Н. Ю. Шведовой число изданий этого словаря превысило цифру 20, и, наконец, родился уникальный толковый словарь, в котором термин *фразеология* из предисловия «перекочевал» в само название (см. [Шведова 2007]). Наши многотомные исторические издания («Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Словарь русского языка XVIII века» [СРЯ XI–XVII 1975–2022, СРЯ XVIII 1984–2019]), фактически описывают сверхсловные единицы по тем же правилам, которые были применены в

«Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

После того, как фразеология сформировалась в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, принципы описания сверхсловных единиц, которые выкристаллизовались при создании «Толкового словаря русского языка», сыграли не последнюю роль в рождении отечественной фразеологии. Составители первого «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1967] и автор первого «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жуков [Жуков 1967] открыли эру фразеологии опираясь на опыт Д. Н. Ушакова, о чём свидетельствуют списки источников, которыми они воспользовались (см. [ФСРЯ 1967: 24; Жуков 1967: 534]). Первые словари сверхсловных единиц, конечно, нельзя назвать общезнаменными. Объектами описания группы учёных, возглавляемых А. И. Молотовым, были по преимуществу идиомы, а объектами исследования В. П. Жукова – пословицы и поговорки (по преимуществу сверхсловные языковые единицы предикативного типа). Позже, помимо идиоматических и паремийологических словарей, появились словари эпиграфические, в которых описываются крылатые выражения (см., например, [Шулежкова 2003]), словари устойчивых сравнений (см. [Огольцев 1994]), словари формул речевого этикета (см. [Балакай 1999]) и ответных реплик (см. [Бондаренко 2013]), исторические словари фразеологизмов (см. [Палевская 1980;

БФССЯ 2020–2022]) и фразеологических неологизмов (см. [Мокиенко 2003] и пр.). Среди них особое место занимает «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» (2004), претендующий не без основания (ибо в нём описано более 35 000 фразеологизмов) на роль общезнаменного словаря. Он был создан представителями Самаркандской фразеологической школы А. Г. Ломовым и А. В. Корольковой под руководством доктора филологических наук А. Н. Тихонова [ФСРЛЯ 2004]. Вслед за Д. Н. Ушаковым авторы этого словаря исходят из широкого понимания объекта фразеологии. Как и в Ушаковском словаре, в ФСРЛЯ возглавляет словарную статью один из компонентов сверхсловной единицы, а сама сверхсловная единица выделяется полужирным шрифтом, сопровождается толкованием, примерами употребления, иногда и стилистическими пометами. Появление всё новых и новых словарей, в которых описываются сверхсловные единицы, свидетельствует о том, что фразеологическая концепция Ушакова время не подвластно. Нельзя не согласиться с автором статьи, написанной к 50-летию выхода в свет 1-го тома «Толкового словаря русского языка»: «Ни одному из классиков русской литературы не в обиду было ставшее крылатым выражение: «Все мы вышли из гоголевской *Шинели*». И ни одному из составителей наших словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского Словаря» [Ханпира 1984: 71].

Словари

БФСРЯ = Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

БФССЯ = Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Т. 1–3. – Москва : ФЛИНТА, 2020–2023.

МАС = Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1957–1961.

САР = Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. / Рос. Акад. наук. Т. 1 : А–В. – Москва : Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – 688 с.

СРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII века / Ин-т рус. яз. АН СССР ; РАН. – Вып. 1–32. – Москва : Наука : Азбуковник, 1975–2022.

СРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII века / Институт лингвистических исследований РАН. Вып. 1–22. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019.

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Институт русского языка АН СССР. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950–1965.

СЦиРЯ = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – Репринт. изд.: в 2 кн. Кн. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 928 с.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935-1940.

ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка : Свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1967. – 543 с.

ФССРЛЯ = Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35 000 фразеол. единиц : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 832 с. (т. 1); 830 с. (т. 2).

Литература

Алексѣевъ, П. Церковный словарь. Издание четвертое : в 5 частяхъ. Часть первая. – Санкт-Петербургъ : Типогр. Ивана Глазунова, 1817. – 579 с.

Балакай, А. Г. Доброе слово : Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XI–XX вв. : в 2 т. / А. Г. Балакай. – Кемерово : Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 1999. – Т. 1. – 312 с.

Богатова, Г. А. Е. Р. Дашкова и словарь её эпохи. XVIII век – взгляд из XX века / Г. А. Богатова // Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. / Рос. Акад. наук. – Т. 1: А–В. – Москва : Моск. гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – С. 11–32.

Бондаренко, В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь / В. Т. Бондаренко. – Тула : Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2013. – 339 с.

Винокур, Г. О. Самое лучшее из всего того, что он сделал, – это его собственная жизнь // Янченко В. Л. Занимательное путешествие по страницам истории русской лингвистической науки : Методические рекомендации и дидактические материалы. – Москва : Вербум, 2002. – С. 57–61.

Добродомов, И. Г. (2003). Дмитрий Николаевич Ушаков (К 130-летию со дня рождения) / И. Г. Добродомов // Русский язык в школе. – 2003. – № 1. – С. 94–97.

Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва : Сов. энциклопедия, 1967. – 535 с.

Крысин, Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) : Очерк жизни и деятельности / Л. П. Крысин // Отечественные лексикографы XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. – Москва : Наука, 2000. – С. 221–236.

Михельсон, М. И. (1994). Русская мысль и речь : Своё и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : ТЕРРА. – Т. 1. – 792 с.; Т. 2. – 832 с.

Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. Новая русская фразеология. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2003. – 168 с.

Никитин, О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» / О. В. Никитин // Микроязыки. Языки. Интеръязыки : Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / под ред. А. Кюннала, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. – Tartu : Tartu University Press, 2006. – С. 459–474.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016а. – № 1. – С. 13–22.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016б. – № 3. – С. 27–40.

Никитин, О. В. «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 18–32.

Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Языкознание. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.

Огольцев, В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений. / В. М. Огольцев. – Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1994. – 510 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 968 с.

Палевская, М. Ф. Материалы для фразеологического словаря XVIII в. / М. Ф. Палевская. – Кишинёв : Штиинца, 1980. – 366 с.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Д. Н. Ушаков. Русский язык: учеб. пособие для студентов. – Москва : Просвещение : АО «Учебная литература», 1995. – С. 8–40.

Предисловие // Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. Т. 1 : А–В. – Москва : Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – С. V–XV.

Реформатский, А. А. Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии / А. А. Реформатский // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 33–47.

Сидоренко, К. П. Выдающийся педагог и лингвист. К 185-летию М. И. Михельсона / К. П. Сидоренко // Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 1 (87). – С. 69–71.

Ушаков, Д. Н. От редакции / Д. Н. Ушаков // Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. А – Кюрины. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935. – С. 3–6.

Ханпира, Э. И. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) / Э. И. Ханпира // Русский язык в школе. – 1984. – № 6. – С. 71–75.

Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений); отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2007.

Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства / С. Г. Шулежкова. – Москва : Азбуковник, 2003. – 427 с.

References

Alekseev, P. (1817). *Tserkovnyi slovar' . Izdanie chetvertoe: v 5 chastiakh. Chast' pervaiia* [Church Dictionary. Fourth Issue: in 5 Parts. Part One]. Saint Petersburg, Tipografiia Ivana Glazunova, 579 p.

Balakai, A. G. (1999). *Dobroe slovo: Slovar'-spravochnik russkogo rechevogo etiketa i prostonarodnogo dobrozhe-latel'nogo obkhozhdeniya XI–XX vv.: v 2 t* [Good Word: Dictionary and Reference Book of Russian Speech Etiquette and Common Friendly Treatment of the XI–XX Centuries: in 2 volumes]. Vol. 1. Kemerovo, Kemerovskii ob-lastnoi institut usovershenstvovaniya uchitelei. 312 p.

BFSRYA = *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* (2006). [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Culturological Note]. V. N. Teliia (ed.). Moscow, AST-PRESSKNIGA. 784 p.

BFSSYA = *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' staroslavianskogo yazyka: v 5 t.* (2020-2023). [Big Phraseological Dic-tionary of the Old Church Slavonic Language: in 5 volumes]. Vol. 1–3. S. G. Shulezhkova (ed.). Moscow, FLINTA.

Bogatova, G. A. (2001). E. R. Dashkova i slovar' eyo epokhi. XVIII vek – vzglyad iz XX veka [E. R. Dashkova and the Dictionary of Her Era. XVIII century – a Look from the XX Century]. In *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794 v 6 t. Rossiiskaia Akademiia nauk. T. 1: A–V*. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E.R. Dashkovi, pp. 11–32.

Bondarenko, V. T. (2013). *Otvetnye repliki v russkoi dialogicheskoi rechi: slovar'* [Response Remarks in Russian Dialogic Speech: Dictionary]. Tula, Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo, 339 p.

Dobrodromov, I. G. (2003). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (K 130-letiiu so dnya rozhdeniia) [Dmitry Niko-laevich Ushakov (Dedicated to the 130th Anniversary of His Birth)]. In *Russian language at School*. No. 1, pp. 94–97.

FSRYA = *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4 000 slovarnykh statei* (1967), [Phraseological Dictionary of the Russian Language: Over 4000 Dictionary Entries]. A. I. Molotov (ed.). Moscow, Russian language, 543 p.

FSSRLYA = *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35 000 frazeologicheskikh edi-nits: v 2 t.* (2004). [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language: More than 35,000 Set Units: in 2 volumes]. A. N. Tikhonov (ed.). Moscow, Flinta, Nauka. 832 p. (v. 1) ; 830 p. (v. 2).

Khanpira, E. I. (1984). “Tolkovyi slovar' russkogo yazyka” pod redaktsiei Ushakova (K pyatidesyatiletiyu vykhoda v svet 1-go toma) [“Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by Ushakov (On the Fiftieth Anniversary of the Publication of the 1st Volume)]. In *Russian language at school*. No. 6, pp. 71–75.

Krysin, L. P. (2000). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (1873–1942): Ocherk zhizni i deyatel'nosti [Dmitry Niko-laevich Ushakov (1873-1942): Essay on Life and Work]. In *Otechestvennye leksikografy XVIII–XX veka*. G. A. Bogatova (ed.). Moscow, Nauka, pp. 221–236.

MAS = *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* (1957–1961). [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. A. P. Evgen'eva (ed.). Moscow, Akademiia nauk SSSR, Institut russkogo iazyka, Russkii iazyk.

Mikhel'son, M. I. (1994). *Russkaya mysl' i rech': Svoio i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanii: v 2 t.* [Russian Thought and Speech: Native and Borrowed: Experience of Russian Phraseology: Collec-tion of Figurative Words and Allegories: in 2 volumes]. Moscow, TERRA. 792 p. (v. 1); 832 p. (v. 2).

Mokienko, V. M. (2003). *Novaya russkaya frazeologiya* [Russian New Phraseology]. Opole, Uniwersytet Opolski, 168 p.

Nikitin, O. V. (2006). Yazykovaya politika 1930-kh gg. i “Ushakovskii slovar'” [Language Policy of the 1930s and “Ushakov’s Dictionary”]. In *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki: Sbornik v chest' ordinarnogo professora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko*. A. Kyunnap, V. Lefeldt, S. N. Kuznetsov (eds.). Tartu, University Press, pp. 459–474.

Nikitin, O. V. (2016a). Zabytye kartoteka, ili sud'ba russkogo “Larussa” [Forgotten Archives or the Fate of Russian “La Russe”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22.

Nikitin, O. V. (2016b). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdanija i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovaryia russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova) [Native Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2017). “Kakoe slovo vazhnee, agitpunkt ili ierodiakon, fotografiya ili felon...” (letopisnye stranit-sy “Slovaryia” S. I. Ozhegova) [“Which Word is More Important, Agitpoint or Hierodeacon, Photograph or Felony...” (Annals of the Dictionary by S. I. Ozhegov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 18–32.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Native Linguistics of the Twentieth Century: To the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Yazykoznanie. No. 1 (170), pp. 88–95.

Ogol'tsev, V. M. (1994). *Kratkii slovar' istoichivyykh sravnenii* [A Short Dictionary of Set Comparisons]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 510 p.

Ozhegov, S. I. (1949). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 968 p.

Palevskaja, M. F. (1980). *Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya XVIII v.* [Materials for the Phraseological Dictionary of the XVIII Century]. Kishinyov, Shtiintsa, 366 p.

Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorcestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Works]. In *Russkii yazyk: uchebnoe posobie dlya studentov*. Moscow, Prosveshchenie, AO "Uchebnaya literatura", pp. 8–40.

Predislovie [Preface]. (2001). In *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794: v 6 t. T. 1: A–V*. [Dictionary of Russian Academy]. In 6 vol. V. 1: A–V. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E. R. Dashkovoi, pp. V–XV.

Reformatskii, A. A. (1998). Trudy D. N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [Works by D. N. Ushakov on Russian Spelling and Orthoepy]. In *Russkaya rech'*. No. 1, pp. 33–47.

SAR = *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794: v 6 t.* (2001). [Dictionary of the Russian Academy of the 1789–1794]. In 6 vol. V. 1: A–V. Rossiiskaia Akademiia nauk. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E. R. Dashkovoi. 688 p.

Shulezhkova, S. G. (2003). *Slovar' krylatykh vyrazhenii iz oblasti iskusstva* [Dictionary of Winged Expressions from the Field of Art]. Moscow, Azbukovnik, 427 p.

Shvedova, N. Ju. (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vsklyucheniem svedenii o proishozhdenii slov (82 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Notes about the Origin of the Word (82,000 Words and Phraseological Expressions)]. N. Ju. Shvedova (ed.). Moscow, "Azbukovnik". 1164 p.

Sidorenko, K. P. (2011). Vydayushchiysya pedagog i lingvist. K 185-letiyu M. I. Mikhel'sona [Outstanding Teacher and Linguist. To the 185th Anniversary of M. I. Mikhel'son]. In *Bulletin of Herzen University*. No. 1 (87), pp. 69–71.

SRYA XI–XVII = *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII (1975–2022)*. Vyp. 1–32 [Dictionary of the Russian Language XI–XVII. Institute of the Russian Language. Issues 1–32]. Moscow, Nauka, Azbukovnik.

SRYA XVIII = *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka (1984–2019)*. Vyp. 1–22 [Dictionary of the Russian Language of the XVIII Century. Issues 1–22]. Leningrad ; Sankt-Peterburg, Nauka.

SSRLYA = *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. (1950–1965)*. [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vol.]. Moscow ; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

STSIRYA = *Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* (2001). Kn. 1. [Dictionary of the Old Church Slavonic and Russian Languages, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. Book 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. 928 p.

TSRYA = *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (1935–1942)*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 volumes]. D. N. Ushakov (ed.). Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya".

Ushakov, D. N. (1935). Ot redaktsii [From the Editorial Staff]. In *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* D. N. Ushakov (ed.). Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya", pp. 3–6.

Vinokur, G. O. (2002). Samoe luchshee iz vsego togo, chto on sdelal, – eto ego sobstvennaya zhizn' [The Best of All that He Did is His Own Life]. In *Yanchenko V. L. Zanimatel'noe putestvie po stranitsam istorii russkoi lingvisticheskoi nauki: Metodicheskie rekomendatsii i didakticheskie materialy*. Moscow, Verbum, pp. 57–61.

Zhukov, V. P. (1967). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediia. 535 p.

Данные об авторе

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия).

Адрес: 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38.

E-mail: shulezhkova@gmail.com.

Дата поступления: 04.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Author's information

Shulezhkova Svetlana Grigorievna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Date of receipt: 04.09.2023; date of publication: 30.12.2023